

Кубанский писатель

Литература изъята из законов тления. Она одна не признаёт смерти.

М. Е. Салтыков-Щедрин

№ 10 (65)

октябрь
2012 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

Поздравляем

Александр Дмитриевич Мартыновскому за книгу повестей «Вечерняя рапсодия» присуждена литературная премия им. А. Д. Знаменского. Вручение диплома состоялось в Краснодаре, на торжествах, посвящённых Дню города.

ПАНОРАМА

Под знаком грифона

Очередное заседание Клуба любителей фантастики и фэнтези (Клюфф) прошла в минувшее воскресенье, 30 сентября, в Краснодаре в стенах Краевой юношеской библиотеки им. И. Ф. Вараввы.

Если вас там не было, значит, вы пропустили замечательный доклад кубанского фантаста Игоря Ясинского на глобальную тему «Жизнь. Вселенная. Мы». Рассмотрев этапы зарождения жизни на Земле, фантаст сделал вывод: во Вселенной возможна только белковая форма жизни. Нельзя сказать, что все согласились с таким подходом. О чем свидетельствовала бурная дискуссия. Впрочем, скоро к нашим дискуссиям смогут заочно присоединиться все желающие. В ближайшем будущем клуб будет размещать доклады на дружественных сетевых ресурсах. Один такой ресурс уже есть – это сайт Краснодарского отделения Союза писателей России (то есть на ресурсе sites.google.com/site/sprosia). Ждем, когда три наших недавних докладчика отшлифуют свои мысли, и тогда мы сразу опубликуем их выступления.

Кроме того, совсем скоро Клюфф выложит видеозапись сентябрьского заседания в сеть. Ссылка будет выложена чуть позже.

Кстати, на заседании решили перейти на «зимнее время». Так, теперь мы будем собираться не в 17.00, как раньше, а в 14.00. Надеемся, что это позволит присутствовать на встречах нашим коллегам из районов Кубани. При этом планируем встречаться чаще, чем раз в месяц. Уж очень много интересных тем и вопросов хочется обсудить.

Еще одно изменение коснулось нашего конкурса «Кино будущего», который мы проводим вместе с сетью ки-

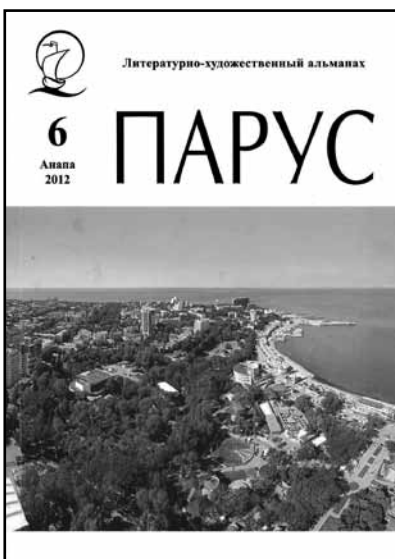
нотеатров «Монитор». Мы благодарны Краснодарскому отделению Союза российских писателей, активно подключившемуся к его проведению. Но сроки приема рукописей теперь перенесены. Их можно сдавать до первого января. Главное, в новогоднюю ночь не присылайте! Подведение итогов состоится в феврале.

Обсуждение коснулось и будущей эмблемы клуба Клюфф. В целом, среди претендентов выделялось предложение сделать ее в цветах кубанского флага (чтобы чувствовалась региональная специфика), в виде саламандры или птицы Феникс. Была и идея обыграть название, создав какую-нибудь фантастическую птичку. Но победило оригинальное предложение постоянного члена нашего клуба Станиславы Войцеховской. Она вспомнила фантастического зверя, как ни странно, имеющего кубанские корни. Речь идет о грифоне. Хотите увидеть эскизы, приходите на следующее заседание Клюфф. Их будет готовить еще один известный кубанский писатель-фантаст – Иван Карасев. Как удалось узнать, стилизованного (в виде вензеля) грифона, известного по раскопкам кубанских курганов, с несколько гипертрофированным «клюффом» он планирует поместить в ленту Мёбиуса.

Следующее заседание Клюфф пройдет в Краснодаре 21 октября в 14.00 на ул. Офицерской, 43, в Краевой юношеской библиотеке им. И. Ф. Вараввы.

Собинфо

В Анапе, в каминном зале Центра культуры «Родина», прошла презентация 6-го номера литературно-художественного альманаха «Парус»

В качестве почетных гостей презентации выступили секретарь правления Союза писателей России по связям с регионами, писатель, поэт, драматург Василий Дворцов; председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор газеты «Кубанский писатель» Светлана Макарова и руководитель краевого литературного объединения «Верность» Любовь Мирошникова. Они поздравили анапских литераторов с выходом в свет альманаха и отметили его высокий уровень, возросшее мастерство авторов как прозаических, так и поэтических произведений. Были вручены почетные грамоты за творческие достижения и активную общественную работу руководителю литературно-художественного

объединения «Парус» Надежде Казаниной, главному редактору альманаха, руководителю молодежного литературного объединения «Авангард» Ольге Хомич-Журавлёвой и одному из самых ярких молодых авторов – Максиму Кутину.

Надежда Казанина рассказала о работе литературного объединения «Парус» за 2011–2012 гг. и о планах на будущее. Ольга Хомич-Журавлёва познакомила присутствующих с разделами альманаха, объявила о наборе материалов в следующей номер, а также рассказала о готовящемся к выходу в свет сборнике произведений молодых авторов «Авангард».

Редакционная коллегия альманаха в составе члена Союза российских писателей Сергея Лёвина, членов Союза писателей России Сергея Зубарева и Людмилы Францевич, а также Геннадия Севрюкова, Ирины Лагуновой-Левичицкой и Владимира Калачёва была отмечена грамотами «Творческого методического центра» за плодотворный труд при создании 6-го номера «Паруса».

Работа руководителя литературно-художественного объединения «Парус» Надежды Казаниной отмечена благодарностью Анапской ЦБС за участие во всероссийской акции «Библионочь», которая состоялась в апреле 2012 года.

Библиотека литературно-художественного объединения «Парус» пополнилась подарками: сборником стихотворений Василия Дворцова, романом члена Союза писателей СССР Николая Курочкина-Креве «Морские псы Её Величества», кни-

гой председателя правления Анапского городского отделения ветеранов «Боевое братство» Вячеслава Бабунца «Ими гордится Анапа».

В каминном зале царил творческая поэтическая атмосфера. Звучали стихи анапских поэтов. А когда Василий Дворцов прочитал свой «Перезвон» — забили колокола и родилось ещё одно стихотворение!

Собинфо

Сергей Зубарев

В КАМИННОМ ЗАЛЕ

В. Дворцов

Зал каминный зимою и летом –
Хоть порою камин наш без дров –
Собираю очень разных поэтов.
Сколько здесь прозвучало стихов!

А сегодня сошёл к нам незримо
Аполлон в окружении муз.
И повеяло мёдом и дымом –
Это осени тонкая грусть.

Всё заполнилось шёлковым светом.
Бездыханно храня тишину,
Замер зал и, внимая поэту,
Души многих свивались в одну.

А поэт изливался стихами,
Как родник. Только вдруг в унисон
Его строчкам о Божьем храме
Мир наполнил малиновый звон.

Зашептался весь зал изумлённо –
Это, мол, лишь возможно в кино...
Строгий тон колокольного звона
Плыл в раскрытое настёжь окно.

9 октября 2012 г.

В рамках празднования Года истории

Актив литературной гостиной КубГТУ «Светлана» был приглашен на литературно-музыкальный вечер «Вечерний звон! Как много дум наводит он», посвященный 200-летию Бородинского сражения. Праздник для ветеранов города и молодежи подготовили солисты вокальной студии Краснодарского Дома ученых и инженеров. Право выступить первому было предоставлено заслуженному артисту России А. И. Плахтеву с арией Кутузова из оперы С. Прокофьева «Война и мир».

Прозвучали русские и украинские народные песни «Утес» в исполнении В. Попова, «Пряха» – Веры Кострюковой. Зрители услышали пре-

красные голоса, узнали неизвестные страницы из истории нашего Отечества. Сокральные мотивы «Вечернего звона» душевно передал дуэт Светланы Медведевой и Андрея Звягинцева. Интересна история создания этой песни, ведь автором слов был английский поэт Томас Мур, а перевел их на русский Иван Козлов.

Лирично, трогательно прозвучал романс Настеньки из к/ф «О бедном гусаре замолвите слово» (посвящение Марины Цветаевой генералам 1812 года, муз. А. Петрова) в исполнении С. Медведевой. Завершал концерт русской народной песней «Мчится тройка почтовая» заслуженный артист России Владимир Генин. В зале не смолкали

аплодисменты, зрители одали цветами всех исполнителей. Концертмейстер – художественный руководитель студии, лауреат международных конкурсов Елена Снагоченко.

«Мы рады, что оказались свидетелями музыкально-информационного мероприятия, посвященного памятной исторической дате, и благодаря этому концерту узнали много нового. Действительно, чувство патриотизма воспитывается не на лозунгах, а на благородных поступках, деяниях и исторических победах предшествующих поколений», – такую запись сделали студенты КубГТУ после окончания концерта.

Мира Гукасова

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Это было давно, в те времена, когда дети любили играть во дворе большой компанией. Такое явление сейчас редко можно увидеть – все сидит по домам за компьютером. А когда-то загорелые мальчишки лихо носились по двору, играя в войну и в казаки-разбойники.

Однажды пожилой человек остановил ребят и сказал:

– Дети, не надо играть в войну, лучше играйте в мир.

Мальчишки растерянно промолчали, а один из них спросил:

– Дедушка! А как играть в мир?

Простой вопрос неожиданно поставил прохожего в тупик.

Конечно, и в мир играть можно – в учителя, врача, но это игры «тихонь», камерные девчачьи забавы. Ватага ребятшек так играть не станет. Что и говорить, война – ужасное зло, но тут не в войне дело, а в том, что в этой игре ребята могли выразить свои мужские качества: мужество, молодецкую удаль, верность дружбе, ум, выдержку, находчивость. В таких играх, хоть и всё понарошку, но в то же время всё, как в жизни, по её суровым законам. Не было пощады тому, кто смалодушничал, бросил на поле боя «раненого» товарища, побоялся «взорвать вражеский штаб» или заплакал от ссадины на коленке. Труссы безжалостно изгонялись из игры. «Войнушка» беспристрастно раскрывала характеры восьмилетних мальчишек. Иногда она становилась началом крепкой многолетней дружбы, а иногда ссорила ребят на долгие годы. Девочек, как правило, в игру не принимали, только некоторые, самые красивые, удостоивались чести быть санитарками. Они перевязывали раненых. Стоит ли говорить, что при этом сердца раненых бойцов и самих санитарок бились учащённо?

Романтическая «войнушка», игра моего детства, не имеет ничего общего с современными компьютерными военными играми. Теперь мальчишки сражаются по одиночке, не чувствуя ни опасности, ни ответственности, ни дружеской поддержки. Сознывая свою абсолютную безнаказанность, они свирепеют и жестоко расправляются со своими виртуальными противниками. Старая игра в войну, где нужно было показать, на что ты способен, и не ударить лицом в грязь перед товарищами, теперь превратилась в жестокое действо, где нет места благородству, а есть только стремление к убийству и разрушению. Об этом написал Виталий Бакалдин в стихотворении «Компьютерные игры»:

*В игре ни крови и ни ран,
И жутко до удушья
По детским душам бьёт экран
Зарядом равнодушья.
Ракеты выводятся на старт
В светящейся коробке,
Кибернетический азарт
Надавливают кнопки.
Домашность ядерных атак
Внушает нам беспечно,
Что на земле всё это так
Извечно и навечно.*

Конечно, нынче играть в войну по старинке, подобно моим сверстникам, современные ребята не будут, и, слава Богу. Не к тому я призываю. Это игра послевоенного поколения, в которой мы подражали отцам, всего несколько лет назад вернувшимся с фронта. Мы играли в войну с немцами, подобно тому, как довоенные дети играли в Чкалова и в «челюскинцев», а ещё раньше – в Котовского и Чапая. Каждое время рождает своих героев. Герой юношеской мечты – своего рода романтический идеал, к которому тянется неисторичное подлостью молодое сердце. И какая разница, существовал ли такой герой в реальности или он придуман писателем!

Бежит что есть духу через огороды босонгий мальчуган Димка... Бежит, спасаясь от свирепого врага – дезертира Головня. Вот он перескочил через плетень, оступился, упал в канаву. Кажется, жестокая расправа неминуема.

«Но что-то застучало по дороге. Почему-то ослабла рука Головня. И кто-то крикнул гневно и повелительно:

– Не смей!»

Так начинается рассказ «Р. В. С.» Аркадия Гайдара. Сколько мальчишек и девочек, замирая от восторга, читали эти строки и видели, словно наяву, отважного и таинственного всадника с красной звездой на груди, заступившегося за маленького Димку. Гайдар безошибочно чутьём уловил, как именно следует писать для подростков, жаждающих подвига. Понял это интуитивно, недаром природа наделила его не только необычайным мастерством писателя, но и талантом детского психолога. Кроме того, он был молод. Он ещё и сам не растерял романтический задор юности, свойственный юным читателям, для которых сочинял рассказы и повести.

Большинство детских писателей советской эпохи посвятили творчеству молодые годы. Валентин Катаев написал «Белеет парус одинокий» в 36 лет, Чуковский, Маршак свои лучшие произведения для детей создали в 25–30 лет, Борис Житков впервые пришел в редакцию детского журнала в 40 лет, и его все считали стариком. Недавно ушедшие от нас кубанские мастера слова, поэт Виталий Бакалдин и прозаик Виктор

Логинов, создали произведения для юношества, ещё не достигнув 30-летнего возраста.

Можно было бы об этом не говорить, если бы не одно тревожное наблюдение. Не скажу за всю Одессу, но у нас на Кубани сейчас подавляющее большинство детских писателей – пожилые люди. Сравнительно недавно, два года назад, вышла превосходная книга из серии «Кубанская библиотека», посвященная детской литературе. Её составитель, талантливый журналист и детский поэт Владимир Нестеренко, поработал на совесть. В книгу вошло всё самое лучшее, что создано кубанскими писателями для детей и юношества. Но вот, что настораживает. Из сорока авторов сборника – только 2–3 человека цветущего возраста (от 30 до 50 лет), все остальные – пожилые люди. Может быть, составитель кого-то проглядел? Ничего подобного, просто некого печатать!

А ведь как бы ни был умен, талантлив и умудрен опытом автор, с возрастом он всё-таки неизбежно что-то теряет. Уходит юношеская свежесть восприятия мира, вместо нее приходит менторский тон. Да и современной жизни он не знает, не успевает за ней: слишком стремительно она меняется. И рад бы прозаик написать актуальную повесть о подростках, да не может, не знает он их жизни. Предвижу вопрос: «Ну, а самой-то, слабо?» Увы, да. Потому и пишу исторические повести.

Даже учителя, обладающие неплохими литературными способностями, предпочитают писать о чем угодно, только не о своих учениках. Нередко слышишь на литературном семинаре от какой-нибудь милой учительницы: «Почитайте, это повесть о детстве моей бабушки...»

Почему же в своё время молодые учителя Виталий Бакалдин и его друг, писатель и драматург Вагаршак Мхитарян, писали о своих учениках? Потому, что они их любили, знали их жизнь, их интересы. Понимали, что если читатель молод, если у него, по выражению Фадеева, «на руках чыпки, а в груди орлиное сердце», то и книга для него должна быть особенной – яркой, увлекательной, вдохновенной, с благородными героями. Такой, чтобы её захотелось, не отрываясь, дочитать до конца. И вовсе не обязательно, что она должна быть «про войну». Мужественный поступок можно совершить и в науке, и в спорте, и при спасении людей во время природной катастрофы, и в операционном зале, и даже просто преодолев себя, своей собственной эгоизм.

Прочитала в Интернете обмен мнениями школьников: «Какие современные книги лучше почитать?» – «Лучше читай старую литературу. Она намного интереснее. Старая литература – отстоявшаяся, а новая – отстой».

Это совсем не смешно, скорее грустно. Ещё грустнее стало, когда однажды на творческой дискуссии мне довелось услы-

шать слова молодого литератора, что тема подвига не нужна современным юношам. «Не до того им сейчас, – доказывал литератор. – Им часто нечего есть и пить, а вы им – про подвиги!»

С этим мне трудно не согласиться, и всё-таки... Вспоминаю рассказ друга-писателя, чье послевоенное детство прошло в приюте:

«Мы были голодны постоянно. Когда в столовой давали порцию каши, мы ели быстро, по привычке прикрывая миску рукой, чтобы не отняли старшие воспитанники. Когда гуляли, наши глаза всегда были опущены к земле. Мы всё время что-то искали: какой-нибудь пустяк, любой потерянный или брошенный предмет, который можно было поменять на еду. Это было наше обычное состояние».

И всё-таки самым незабываемым воспоминанием в жизни маленького детдомовца стала не еда, а книга. Однажды в библиотеке мальчишке дали почитать «Дороги товарищей» Виктора Логинова. Этот новый, просто и понятно написанный 25-летним прозаиком роман стал для сироты путеводной звездой, а его герои – родными братьями. Желание быть такими же, как они, идти теми же дорогами, наполнило безрадостную жизнь мальчика великим смыслом. Отныне он был не одинок. С ним были Саша Никитин, Шурочка и Боря Щукины, Аркадий Юков, и, конечно, обаятельная Женья Румянцева – школьники-подростки сороковых годов, сумевшие в нечеловеческих условиях войны остаться людьми, не потерять себя и помочь своей Родине. Книга Логинова буквально перевернула жизнь сироты-детдомовца. В тайне, не признаваясь никому, он, малограмотный и плохо говорящий (его покойная мать была немой), тоже решил стать писателем.

И стал им! Разве это не подвиг, который человек совершил, благодаря книге?

Сытые подвигам не совершают. К ним чаще всего стремятся голодные. Именно из их числа появляются герои, готовые на всё, чтобы вырваться из болота нищеты, неведения, ужасающего невежества, где протекает их невеселая жизнь. И задача писателя помочь им найти верный путь. Объяснить, что для настоящей жизни одной жратвы мало, что не хлебом единым жив человек.

Где же вы, современные молодые «властители дум»? Где ты, Герой нашего времени, бесстрашный правдолюбец, защитник слабых? Появится ли, когда-нибудь, книга для юношества, не уступающая «Двум капитанам», «Кортику», «Повести о настоящем человеке», «Дорогам товарищей»? Неужели, действительно, юноши перестали мечтать о подвигах?

Или это мы, писатели, перестали им о них рассказывать?

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

В Новороссийске прошла встреча с К. Скворцовым

На встречу с известным поэтом, лауреатом Большой литературной премии Союза писателей России Константином Скворцовым, организованную новороссийским отделением Фонда славянской письменности и культуры, в педагогический колледж пришли не только студенты и молодые люди, зал заполнили любители поэзии всех возрастов.

Лауреат международных конкурсов академический хор «Элегия» Новороссийского музыкального колледжа под руководством Вячеслава Михайленко, открывший встречу, дал одно из направлений последующего сложного разговора – «Молитву пропою» русского композитора Чеснокова.

Что есть духовность? Почему она доступна далеко не всем

людям? Как один из ответов прозвучал монолог Георгия из пьесы «Георгий Победоносец».

Стихотворения Константина Скворцова исполнили учащиеся колледжа Дарья Харькова и Екатерина Усова. Прозвучало «Сказание о казачке Марьяне» Владимира Никитина.

На некоторое время разговор прервал ансамбль скрипачей «Вдохновение» под руководством Бориса Девяковича.

Но вопросы читателей к Константину Васильевичу, кажется, не иссякали.

С приветственным словом выступил почетный гражданин города-героя Новороссийска Владимир Солдатов.

Огромную важность любви к Родине не только для подрастающего

поколения, но и каждого из нас подчеркнул проректор Морского университета академик Виктор Демьянов.

Каждый из зрителей уносил с собой частичку теплой атмосферы зала колледжа, а в душе продолжали звучать любимые строки поэта.

РОДИНА

Песни Италии слушает Франция-модница.

Пляшет Испания. Бьют барабаны Перу.

Не Магдалина – Россия и – не Богородица,

Что же не видно её на вселенском пиру?

Иль заблудилась, шагая дорогой неторною,

Иль застенялась, что всё ещё, словно в войну,

Брови малюет не тушью, а сажею черною.

Кто же ей бедность поставит сегодня в вину?

Русь моя, Родина!.. Может, и вправду, ты бедная?

Кроме песочных снегов, что ты можешь надеть?

Дразнит Америка, дразнит полушкой медною...

Шубы своей не уступит, будь сытым, медведь.

Нам – не впервые.

Мы пояс затянем потуже.

Брагу поставим и горькую с горя запьем:

В ноги ударит – станцем испанцев не хуже,

К горлу подкатит – Италию перепоем!...

Светлана Макарова

КУБАНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

(Юбилейные гимны на фоне пасторали)

В этом году Краснодарская краевая писательская организация отмечает своё 65-летие. Писательский дом располагается ныне почти на берегу Кубани, на первом этаже в одной из недавно выстроенных четырнадцатиэтажек, в «спальном» районе кубанской столицы, на Гидрострое. Место здесь поэтическое: в шаговой доступности небольшой парк с великанами тополями и плакальщицами ивами, далее берег Кубани с песчаными пропеллинами в трёхметровых зарослях камыша. По зеркальной глади воды то и дело скользят лёгкие лодочки — неподалеку находится спортивная база, где тренируются гребцы. Хорошо посидеть здесь в тени деревьев с книжкой в руке, поглядывая на перекликающихся в небе чаек, на стайки уток, ожидающих очередной порции хлебных крошек. Хорошо послушать шелест листвы, надышаться речным ветерком, свободным от городского смога и гула моторов...

Жаль только, не часто добираются литераторы до своего дома, чтобы поделить новостями, почитать друг другу стихи, обсудить литературные новости и поделиться творческими замыслами. Уж больно далеко расположен он от центра города: ветеранам просто не осилить дороги в жестокую жару и затаенную сырость, с нашими-то вечными «пробками», а молодым не вырваться в такую даль в перерывах меж бесконечными заботами о хлебе насущном. И литераторам, приезжающим из районных городов и станиц в

краевой центр, порой часами приходится разбираться в лабиринте новостроев.

Всегда ли так было? — спросите вы... — Да и бурлила ли когда-то литературная жизнь на Кубани?

Смело можно утверждать, что Кубань отмечена вниманием великих деятелей русской литературы — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, с нашим городом и краем связаны имена В. Г. Короленко, В. Я. Брюсова, А. М. Горького, а также А. С. Серафимовича, С. Я. Маршака, Ф. В. Гладкова, М. С. Шагинян, В. В. Вишневского, Д. А. Фурманова, Н. А. Островского и многих, многих других. Но это были лишь эпизоды, краткие временные отрезки, когда кубанские просторы питали вдохновение общероссийских писателей — наших соратников, сотрудников, гостей и друзей.

Всё изменилось с созданием на Кубани писательской организации, а если быть ещё точнее — с выхода в свет альманаха «Кубань». Край, только что переживший самую Великую и самую страшную войну — с боями, оккупацией, с тотальными разрушениями и невосполнимыми человеческими потерями изыскал средства для

финансирования издания. Вадим Петрович Неподоба, составитель справочника «Писатели Кубани», вышедшего в свет в 2000 г., отметил в предваряющей статье: «После Отечественной войны большую роль в развитии литературы на Кубани сыграл созданный в 1945 году альманах «Кубань». Он выпестовал целую плеяду молодых талантливых писателей. В 1947 году на IX пленуме Союза писателей СССР по поручению А. Фадеева совместно с литературным активом кубанских писателей А. Первенцев провёл постановление секретариата Союза писателей от 8.08.47 г., а затем добился решения крайкома ВКП/б/ от 5.09.47 г. об организации Краснодарского отделения Союза писателей СССР. Учредительное собрание состоялось 5.09.47 г. Руководящим органом был избран оргкомитет. Так в 1947 году была создана Краснодарская писательская организация. В 1950 году она получила статус отделения Союза писателей СССР. В это время на Кубани было пять членов Союза: Н. Винников, П. Иншаков, П. Игнатов, А. Кирий, А. Степанов. Несмотря на исключительно строгий прием в члены

Союза, Краснодарское отделение СП СССР быстро росло. В 50-е годы пополнили его А. Панферов, Г. Соколов, В. Монастырев, Л. Пасенюк, В. Логинов, В. Бакалдин, И. Варавва, И. Беляков, А. Мишик, В. Попов, П. Радченко. В 60-е годы семья писателей выросла за счёт того, что в члены СП СССР были приняты тогда молодые литераторы: Ю. Абдашев, Н. Веленгурин, И. Зубенко, В. Иваненко, В. Лихоносов, К. Обойщиков, Г. Степанов, Б. Тумасов, С. Хохлов. В эти же годы из разных уголков Отечества на Кубань приезжают члены СП: М. Грешнов, А. Гаркуша, А. Знаменский, С. Лившиц, Н. Краснов, В. Саакова, А. Стрыгин, Б. Тихомолов, Г. Федосеев, В. Фролов, С. Эминов.

В 1967 году Краснодарское отделение СП СССР переименовано в Краснодарскую краевую писательскую организацию Союза писателей РСФСР. В 70-е — 80-е годы её пополнили: И. Бойко, Б. Васильев, Г. Василенко, Т. Голуб, Г. Ефременко, В. Неподоба.

В справочнике 1980 года «Писатели Кубани» имеются сведения уже о 36 членах Союза писателей СССР. Среди них: И. Беляков, Н. Веленгурин, М. Грешнов, А. Зна-

менский, П. Игнатов, П. Иншаков, А. Мишик, В. Монастырев, В. Попов, П. Радченко, А. Романов, Г. Соколов, Г. Степанов, Б. Тихомолов, В. Фролов, Б. Васильев, Т. Голуб, В. Горский, В. Елагин, Н. Постарнак, П. Прокопов, Ю. Н. Абдашев, Н. Стрыгин, Г. И. Василенко.

Самое высокое признание получили писатели Виктор Иванович Лихоносов и Анатолий Дмитриевич Знаменский: они стали лауреатами Государственной премии. В 1988 году — Лихоносов за роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», в 1990 году Знаменский — за роман «Красные дни».

Всероссийски признанные новые классики поэты Юрий Кузнецов и критик Юрий Селезнёв начинали свой творческий путь под опекой нашего союза Кубанских писателей. Литературный Краснодар стал взлётной площадкой и для известных всей стране поэтов Н. Доризо и В. Гончарова.

На мой взгляд, вторая половина двадцатого века является временем максимального расцвета кубанской литературы, наибольшего её признания, славы. Это хорошо понимали руководители края: с 1986 г. писательская организация располагалась в старинном двухэтажном особняке, в самом центре города, на Коммунаров, 59. В свой уютный, устланный красными коврами дорожками дом, расцвеченный сиянием люстр, с утра до вечера, без выходных, тянулись «инженеры человеческих душ»...

Виктор Ротов
Под знаменем
Знаменского

Мы познакомились с Анатолием Дмитриевичем, когда он жил еще в Хадыженске. По какому-то делу я зашел в писательскую организацию (я был тогда в числе так называемого литактива), и там, в приемной, впервые воочию увидел Знаменского. До этого я знал его по книгам «Неиссякаемый пласт», «Ухтинская прорва»... Мы поздоровались с ним за руку. Он сказал мне: «Сейчас у нас бюро. Квартирный вопрос. Ты подожди меня, поговорим».

После бюро он заспешил на автобус. «Потом поговорим».

Потом я больше слышал о нем, нежели общался с ним. Слышал, что к нему ездят или даже ходят пешком писатели и начинающие. Одни, чтобы пообщаться с умным человеком, другие — заручиться его поддержкой. Говорили, что он хорошо принимает гостей. Хлебосольно. Особенно любит об этом вспоминать Г. Пошагаев, ходивший к нему в Хадыженск пешком. Потом я слышал, что он переехал на жительство в Краснодар. Постепенно в моих глазах А. Д. Знаменский становился (и на самом деле был) одним из ведущих писателей на Кубани. Я его уважал даже заочно. И как бы побаивался. Уж больно высоко он парил в моем представлении. И, тем не менее, судьба потихоньку подталкивала нас друг к другу. Особенно после публикации в альманахе, который он редактировал тогда, моей повести «Шестой в бригаде». Он отмечал ее как большую мою творческую удачу и всячески расхваливал. В одной из статей

своих в «Купине неопалимой» о литературной молодежи хорошо отзывался и обо мне. С этого момента я почувствовал его плечо. Хотя очередную мою повесть «На этой стороне» он довольно крепко «пощипал».

При встречах я чувствовал на себе его пристальный взгляд. У него взгляд острый, скользкий. Мне было в его присутствии немного боязно и неуютно. Я никогда не знал, как он ко мне относится в данный момент. Позже я понял, что эта манера его общаться с людьми — ничто иное как привычка держать людей, которых недостаточно знает, на определенном расстоянии.

Постепенно это «расстояние» между нами сокращалось. И однажды я почувствовал, что он полностью мне доверяет.

У меня уже накопилось достаточно журнальных публикаций, даже вышли отдельные книжки, меня пригласили ответственным секретарем в альманах «Кубань». Словом, я вплотную приблизился к тому, чтобы дерзнуть подать заявление о приеме в члены СП. К этому времени я уже знал, что с виду монолитную писательскую организацию раздирают противоречия. Что в ней противостоят друг другу две группировки. Условно назовем их согласно последним веяниям «демократическая» и «патриотическая». Лидером «демократической» был В. А. Монастырев, «патриотической» — П. К. Иншаков, за которым явно стоял А. Д. Знаменский. Прием в члены СП тогда был крайне затруднен. Группировки старались провести «своих» людей. Доходило до элементарных торгов: если вы проголосуете за такого-то, то мы проголосуем за такого-то. Я оказался как бы между двух огней. Хотя как-то поддерживали меня и те, и другие.

Волею судеб я попал под «крышу» самых влиятельных людей «демократической» и «патриотической» сторон нашей писательской организации.

С «патриотической» стороны мной интересовался П. К. Иншаков. Он меня и «просветил» о том, что в писательской организации противостоят две группировки. И даже посоветовал взять рекомендацию для вступления в СП у той и другой стороны. Я так и сделал: с этой стороны рекомендацию дал мне П. К. Иншаков, с той — Ю. Н. Абдашев. Третьим рекомендателем я «взял» А. Д. Знаменского. И это была, как я потом

понял, как бы «ошибка» с моей стороны. В понятии «демократов», видно, я тяготел к ним. И вдруг третью рекомендацию попросил у «патриотической» стороны. Меня и прокатили при приеме в 1982 году. И приняли аж в 1992-м! Десять лет спустя. Хотя я пытался «исправиться» — взял четвертую рекомендацию у В. А. Монастырева. Но это уже не помогло: меня четко определили в «патриоты». А я, кстати, и не возражаю. Когда апрелевцы «отлупились» от нас, я с ними не пошел, потому что с самого начала не принял горбачевские завихрения с этой перестройкой; а потом и так называемые реформы, которыми нас до сих пор душат.

Вскоре после приема меня в члены СП состоялось отчетно-выборное писательское собрание, и меня избрали членом бюро. Будучи членом бюро, я мог довольно часто наблюдать А. Знаменского, который тоже вошел в новый состав. Члены бюро В. Лихоносов, И. Варавва и А. Знаменский были почти непререкаемыми авторитетами, имевшими решительное влияние на принятие любого решения. Мы — «подголоски» — или соглашались с мнением «аксакалов», или молча голосовали «за».

Я стал замечать, что мнения А. Знаменского и В. Лихоносова резко расходятся. И. Варавва принимал на одну, то другую сторону. Обычно с подначкой или с шуткой, вызывая у членов бюро улыбку или смех. Поэтому А. Знаменский как бы не принимал И. Варавву всерьез. А с В. Лихоносовым он пытался создать некий блок, пригласив кого-то третьего, и, таким образом, взять приоритет в решениях в свои руки. Анатолий Дмитриевич рассказывал мне доверительно об этом. Но В. Лихоносов на блокировку не пошел.

Я часто, про себя, конечно, становился на сторону Лихоносова на бюро. Вообще, боготворили его. Да, писал о нем хорошие очерки. Даже пытался защитить его от В. Канашкина. И когда формировал книгу «Ближе к истине», поместил в неё очерк о нём. Несмотря на то, что он выкинул мою книгу «Суд чести», по сути дела вытащил из печатного станка в «Советском писателе» в 1992 г. Он кричал на меня на одном из бюро: «Лицемер! Хвалишь меня, а сам в начальники стремишься!..» Я сложил ладони рупором, чтоб пробиться сквозь его глухоту, крикнул тогда при Л. П. Пятигоре: «Клянусь

детьми, никогда не стремился в начальники писательской организации и не стремлюсь». И это так. Я знаю свои возможности — начальник из меня никакой. А потому никогда в жизни не стремился сделать карьеру. Хотя было немало шансов в этом смысле.

Под конец жизни Анатолий Дмитриевич почему-то пришел к выводу, что профессия писателя изжила себя. Он об этом мне говорил горячо, когда мы сидели за столом во время фуршета в комнате для приемов в краевой библиотеке им. А. С. Пушкина. Перед заключительным заседанием выездного секретариата Союза писателей России.

— ...Понимаешь, мы никому не нужны, — говорил он, удивляя меня немало. — Вернее, начальству мы не нужны. Нынче. А духовность народа продержится и на классике...

Я молчал, слегка шокированный. Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал разочарованно:

— Ты наивный. Ты не веришь тому, что я говорю. Чего молчишь?

— Не понимаю, почему вы так разочаровались в нас, в писателях?

— Потому что, повторяю, начальство в нас не нуждается, народу достаточно классики. Угодать начальству мы не хотим, на высокое художественное изображение не способны.

Он допил свой чай, посмотрел в сторону, где расположилось московское литературное начальство. Хотел подойти к ним. Потом махнул рукой.

— Ладно. Я уйду, а вы тут перегрызете друг друга. Вас всех перекусает бешеный пес Канашкин. Его к нам и запустили для того, чтоб он всех перекусал, заразил бешеной слюной.

Знаменский и под занавес своей жизни остался Знаменским.

Сейчас я понимаю, что чуткая, многомерная душа его уже тогда чувствовала, что мы на пороге глобальной беды. Президент Америки Буш, воровато бегая глазками, похваливает нашего президента, поглаживает по плечу, успокаивает: «Ничего страшного в том нет, что НАТО уже переступило границы бывшего СССР». Уловка удава, гипнотизирующего лягушку.

Над Россией и над миром сгущаются смертельные тучи.

Пётр Придиус

Поэт-невидимка

На мой звонок в Новороссийск поэту Сейтумеру Эминову ответила его супруга Диляра: «А он у вас в Краснодаре, в военном госпитале... Да уже с неделю... Мы тут волнуемся...»

В госпитале у сестринского поста девушки удивились: «Поэт из Новороссийска, говорите? Никаких поэтов у нас, извините, нету».

Стали листать книгу записей.

— Есть вот грузчик из Новороссийска, тоже, кстати, Эминов. Вас это устраивает?... Тогда пройдите прямо по коридору, слева 409-я палата».

Аксакал Сейтумер, с которым мы дружим уже лет двадцать пять, был крайне удивлен: «Откуда узнали, что я здесь? Я же наказал своим: не говорить никому...»

В свои 80 с «хвостиком» он никогда не жаловался, а тут, пренебрегая смущаясь, признался: «Да всё ничего, всё нормально. Только вот сердечко что-то пошаливает, легкие хрипят, да голова чего-то кружится... А так все хорошо!..»

Хм, «хорошо»... Из палаты мы вышли на балкон, чтоб не мешать соседям, спрашиваю: «А почему «грузчик», а не поэт?...» — «А так, знаете, я больше вижу и слышу. Чтоб не выделяться. Меня и в Новороссийске многие знают как рабочего...»

По национальности крымский татарин Сейтумер Гафарович Эминов с лихвой хлебнул горя, выпавшего на долю его народа. В тельняшке морского десантника он защищал Севастополь, храбро сражался на Малой Земле, освобождал Тамань, Керчь и опять же Севастополь. Его отмечали в приказах, награждали, пока однажды не пришли за ним особисты с секретным предписанием. Храбрый воин, коммунист, орденоседец прямо с фронта под охраной проследовал теплушкой в Узбекистан, куда уже были сосланы все его соплеменники. А после реабилитации крымских татар Эминов поселился на жительство в Новороссийске. Своими руками построил (из камня и на камне) двухэтажный дом-теремок, вместе с обаятельной Дилярой воспитал двух красавиц дочерей — Бингуль («Тысяча роз») и Витану («Родина»), написал два десятка поэтических книг, отмеченных светлым талантом. Эминов на сегодня редкий поэт, в творчестве которого органично сочетаются любовная лирика, гражданский пафос и извечная философия. Его книги не залеживаются, их читают, передавая из рук в руки.

Бывают забавные случаи. В какой-нибудь бригаде заходит речь о книге Эминова — хвалят, цитируют, радуются, не подозревая при этом, что их плотник (был и сторожем, и грузчиком, и бетонщиком...) и есть тот самый поэт Эминов. Был и совсем смешной курьёз. Однажды новый сосед, с которым переговаривались через штакетник, согласился дать Сейтумеру (всего на одну ночь!) интересную книгу. Мотнулся в дом и вот, нате вам, читайте!.. Эминов еле сдержался: в его руках был сборник его собственных стихов «Опаленные волны». Наутро, как и условились, вернул книгу соседу. «Ну как, увлекла?» — поинтересовался тот. «Ничего, читать можно...» — с напускным равнодушием ответил Эминов. «Эх, ничего ты, соседка, видно, не петришь в поэзии!..» — покачал головой сосед. «Да куда нам, кочегарам да плотникам...» — рассмеялся поэт-«невидимка».

Вот такой он был по жизни, мой старый друг Сейтумер Эминов, член Союза писателей СССР с 1969 года.

Феномен
партизанского
«батъки»

На Кубани этот маленький сухонький человек слыл легендой. И несмотря на то, что в какие-то годы его однофамилец, тоже довольно именитый, был первым секретарем крайкома партии, при слове «Игнатов» многие невольно смекали: это, конечно, он, Петр Карпович, партизанский «батъка», писатель...

...В юности Петру Игнатову не довелось шибко овладеть грамотой, но к началу войны он обитал уже в среде ученых, являясь заместителем директора института по... хозяйству. Смекалка, энергия, преданность делу рабочего класса всегда отличали Игнатова, и не случайно партия доверяла ему самые ответственные участки.

С наступлением фашистов на Кубань в августе 1943 года Петру Карповичу Игнатову было поручено сформировать партизанский отряд и укрыться в ближайших горах, что он мастерски и осуществил. В отряд ушла и его семья — жена и оба сына: 27-летний Евгений, обещавший стать большим ученым, и 17-летний отчаянный комсомолец Гений. Отряд Игнатова постоянно держал в напряжении оккупантов, наносил им ощутимый урон. К сожалению, в момент одной диверсионной операции погибли оба сына Петра Карповича. Вскоре после освобождения Кубани братьям Игнатовым, Евгению и Гению, было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Теряя в ходе войны своих родных и близких, кубанцы все же с особым чувством сострадания относились к непоправимому горю Игнатовых. Но жизнь продолжалась.

Петр Карпович был избран депутатом Верховного Совета СССР, он входил в состав городских и краевых партийных органов. Трогательно и волнующе проходили встречи с партизанским «батъкой» в трудовых коллективах, школах, студенческих аудиториях.

Ошеломляющим событием в крае стал выход из печати «Записок партизана» Игнатова. Эти «Записки» тут же были переизданы в Москве, Киеве, Минске, Ташкенте, в ряде зарубежных стран. Они покоряли читателя своей неподдельной простотой, доверительностью, органичной готовностью советских людей к подвигу, а если потребуется, и к самопожертвованию.

Между тем за первой книгой у Петра Карповича выходит вторая, третья, четвертая... В том числе весьма объемная автобиографическая повесть «Жизнь простого человека».

Партизанский «батъка» становится писателем. Он, кстати, был в числе тех четверых, которые полвека назад учреждали на Кубани писательскую организацию. Можно предположить, что его имидж, конечно же, весьма содействовал этому мероприятию.

Сам по себе незлобивый, общительный, с виду доверчивый, даже простоватый, Петр Карпович воспринимался коллегами с искренним уважением и одновременно с доброжелательной иронией. На писательских собраниях он якобы всегда просил слова первым после докладчика и неизменно задавал один и тот же сакраментальный во-

В. Неподоба и Г. Соколов

прос: ну почему у нас никто не пишет белым стихом? По свидетельству близко знавших его, Петр Карпович был великолепный рассказчик, отменный говорун-выдумщик, но откровенно презирал чистый лист бумаги и ручку с пером. Написать фразу, а тем более две-три было для него сущей мукой. Но «профессия» обязывала!

Впервые Петра Карповича я увидел в клубе на Стромынке в Москве, когда он рассказывал нам, студентам, о своих сыновьях и о встрече с Михаилом Ивановичем Калининым. Помнится, не без гордости сообщил я тогда своим друзьям, что мы с Петром Карповичем земляки-кубанцы, более того, мне довелось голосовать за него на выборах в Верховный Совет. Выглядел в тот вечер Петр Карпович орлом. Не великим, не могучим, но все-таки орлом — зорким, немножко «петушистым»...

В ту пору мне и в голову не приходило, что настанет время, когда я буду почти каждодневно общаться с этим легендарным человеком, видеть не только его триумф, но и постепенное угасание.

Жил Петр Карпович в самом центре Краснодара, в двух шагах от крайкома партии. Было ему уже под девяносто. Ослабевший, видно, не только телом, он по утрам нес свою

«вахту» у парадного крыльца крайкома, перехватывая выходящих из машин важных персон: «Иван Иванович, здравствуйте! Можно к вам?» Несведущие поначалу приглашали: «Можно, конечно, можно, дорогой Петр Карпович!» Он шоркал следом мелкими шажками в кабинет, усаживался в кожаное кресло и мог сидеть у ответработника целыми часами.

При моем появлении Петр Карпович обычно восклицал: «О-о, сынок, а я тебя как раз ищу. Пойдем ко мне домой. Пойдем, милочка!»

Дома мы усаживались за журнальный столик, и пока племянница выставляла водку, коньяк, закуски, Петр Карпович всякий раз подсовывал мне списки 50-60 стран, где издавались его партизанские книги, и без умолку тараторил: «На-а, полюбуясь, как меня весь мир издает и читает».

Пил Петр Карпович рюмочкой-наперсточком, пил мало, да много ли ему, старику, надо было. Но когда я нетерпеливо поглядывал на часы — рабочий-то день в самом разгаре! — Петр Карпович зауценно повторял слова, слышанные мною много-много лет назад еще на Стромынке: «Ты что, спешишь? Но я же еще не говорил...»

Как делили
Малую землю

Однажды в конце дня или, точнее, в начале ночи, уже «под занавес», позвонил наш идеолог и непривычно резким голосом скомандовал: «Зайдите!» Подумалось — опять обрадует «домашним заданием» на ночь, спросит, щуря выпуклый глаз: «Ничего с утра на ночь не планировал?... Ну, тогда запиши, есть идея, надо ее хорошенько за ночь обдумать, а потом вместе решим, как действовать дальше...»

В кабинете секретаря крайкома я застал совершенно необычную, даже, можно сказать, странную сцену. Секретарь и писатель Георгий Соколов стояли друг против друга нахохлившимися петухами, лица у обоих красные — такими выскакивают из парной, оба изъяснялись громко, одновременно, как это бывает у прилавка. «Вам с Брежневым все можно, — негодовал писатель. — Среди бела дня грабите, ге-ро-и... Пороху не нюхали, а мемуары издаёте, да ещё на мелованной бумаге...» Секретарь пытался внушить ему простую истину: «Леонид Ильич — Генеральный секретарь, а ты кто? Неужели не понимаешь разницы?» — «Да пошли вы со своей разницей, временщиками...» — выкрикнул Соколов и решительно направился к выходу, рассыпая как дробь уж совсем не писательские выражения.

Идеолог тоже не мог прийти в себя, возмущался, негодовал: «Вот тебе и Жора, романист-малоземец... Ишь чего захотел — дай ему, хоть выроди, мелованной бумаги на книгу, как и Леониду Ильичу, а на газетной он, видишь ли, не желает печататься. Обнаглели, распустились... Тоже мне гении...»

Писателя Соколова я знал постольку поскольку, знал, что он малоземец, что издал несколько книг о сражениях за Новороссийск, слышал, что остряк и добряк, легко сносит шутки над собой... В околотературных кругах его называли не иначе как Жора, Жорж, Жора Соколов, а братья писатели, те возвели капитана второго ранга в адмиралы, но в какие? «Фальшиво-геленджикский адмирал», — злобиво говорили прямо в глаза, имея в виду сразу два обстоятельства: и тихую бухту Фальшивый Геленджик — в противовес героической Цемесской, и морские сказы и байки кавторанга.

Не знал я только главного — героическую и трагическую эпопею Малой Земли первым в нашей литературе открыл непосредственный её участник, командир разведки морских пехотинцев Георгий Соколов. Его книга так и называлась — «Малая Земля», она неоднократно переиздавалась, всякий раз пополняясь новыми событиями и именами. Не превознося достоинств этой повести, можно с определенностью признать: она нашла своего читателя, каждый её тираж расходился целиком. И, когда готовилось очередное переиздание, нежданно-негаданно для автора, как, впрочем, и для миллионов читателей, вышли мемуары Леонида Ильича

65 ЛЕТ КРАСНОДАРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. АРХИВ

Брежнева. Родилась новая «Малая Земля»! А как быть с той, прежней «Малой Землей», изданной и многократно переизданной? Для нормальных людей это был вопрос... «Никаких вопросов! — успокоили сомневающийся чиновники от литературы. — Настоящая «Малая Земля» только эта, написанная нашим дорогим и горячо любимым...»

С тех пор известная повесть прозаика Георгия Соколова стала именоваться «Мы — с Малой Земли». Лишь много позже открылся мне смысл в гневе брошенных им слов: «Средь бела дня грабите, временщики...»

Будучи, по свидетельству коллег, простовато-хитроватым, Жора Соколов не стал бить горшки, как в тот раз в кабинете секретаря крайкома. Понервничал-понервничал и смирился, загадочно повторяя в ответ на сочувствие доброжелателей фразу: ничего, нас ждёт Севастополь...

Так, слово в слово, он назовет впоследствии свой роман, плод десятилетнего труда, который выйдет в Москве пятью годами позже брежневской «Малой Земли» в издательстве «Советский писатель».

Не забыть той его радости и ребячьего восторга, когда, вручая дарственный экземпляр романа «Нас ждёт Севастополь», Георгий Владимирович торопил меня: «Ты вот что, автограф потом, дома прочитаешь, ты на выходные данные глянь. Ну, глянь...»

На последней странице торопливо разбираю набранное непарелю: печатных листов — 41, тираж — 100 тыс., печать — высокая, бумага — тип. № 1. «Н-да, — говорю, — удача, поздравляю». Он: «Ты про бумагу усек? Помнишь скандал у секретаря, что б ему...»

Тамань, Пересыпь. Апрель, 1986 г. В. Лихоносов, В. Бардадым, В. Бакалдин, А. Федорченко

Приближалось семидесятилетие прозаика Георгия Соколова. По заведенной традиции намечался торжественный вечер — с похвальным словом воину и летописцу, товарищу и другу. Уже вовсю действовал юбилейный комитет, друзья (и недруги!) готовили приветственные речи, как вдруг в самый канун торжества юбиляр безапелляционно заявил: «Отставить! Никаких вечеров и речей! Наслушался на чужих, хватит лицемерия».

И с обычной хитрецей в голосе добавил: «Заготовленные тексты поберегите, пожалуйста, до моих похорон, там я все стерплю...»

Мрачноватый получился юмор, что тут скажешь, да Жора, видно, знал, что говорил.

Затаившийся в нем недуг проявлял себя всё явственнее. Он ждал вызова от врачей из Москвы, а они медлили, он тем временем таял, как весенняя сосулька под стрехой, у всех на глазах. От семи пудов веса осталась едва половина — кожа да кости. Даже знакомые перестали узнавать, а он все не сдавался. Почти ежедневно добирался трамваем в Союз, заглядывая во все кабинеты, потешался над самим собой.

Одним весенним днем наговорил мне Георгий Соколов всяких шуток-прибауток, а уходя, оговорил: «Давай попрощаемся, больше не приду...» Я онемел. «Да-да, — бодро добавил он, — полундра трепаться не любит, на этой неделе помру».

Это было ужасно.

Соколов вызвал из Союза душеприказчика, попросил принять и опечатать рукописи: вот, дескать, что от меня осталось, — никому и ничего не должен... И через два дня скончался.

Всякая смерть некстати, эта — тем более, под День-то Победы...

Леонид Ильич — писатель?..

В те дни вся страна пела величальную дорогом Леониду Ильичу Брежневу за его «Малую Землю». Пела, конечно,

устаи своих лучших представителей-руководителей. Какими высочайшими эпитетами только не награждался талантливый, гениальный автор крохотной, но героической эпопеи! Все газеты, радио, телевидение с утра до ночи взахлеб рассказывали о «Малой Земле», о тех сражениях под Новороссийском, которые якобы и определили судьбоносный поворот в ходе всей войны. Масса разных инициатив рождалась на той крутой литературно-общественной волне. Об одной такой инициативе, краешком коснувшейся лично меня, не могу не рассказать.

Как-то пожаловал в крайком партии писатель Василий Попов и прямо с порога пророкотал: «Я с ценной идеей...» Но прежде — о нем самом...

Василий Алексеевич отличался богатырским ростом и светлой, непорочной душой. Это был невероятный выдумщик и рассказчик, и что интересно — во всякой байке непосредственным участником был он сам. Одевался Попов несколько экстравагантно, говорил медленно, с расстановкой, размеренно покуривая трубку. «А что? — как бы удивлялся он сам себе. — Судьба меня изрядно побросала по странам и континентам. И вот, пожалуйста: этот берет у меня от Иосипа Броз Тито, китель с плеча Фиделя Кастро, трубка — от Хо Ши Мина, туфли — от самого Ататюрка...» Самое смешное, самое примечательное: Василий Алексеевич и сам по-детски верил в то, что говорил. Но его коллеги доподлинно знали лишь одно: сержант Попов в войну высаживался десантником в горах Югославии, так что Тито он, возможно, и видел, и даже допускали мысль, что берет действительно от него, то есть легендарный...

ваше право, но подумали ли вы вот о чем: став членом вашей писательской организации, он, загруженный государственными, партийными, порой всемирными делами, вынужден будет систематически приезжать на ваши собрания. Этого ему еще не хватало!..»

Тут в пору было нам обоим рассмеяться и по-хорошему разойтись: ну пошутили, отвели душу — и ладно, с кем не бывает. Нет же, мой гость продолжал упорно гнуть свое: «Подумаешь, невидаль какая — собрание! Да у нас сколько угодно таких, которые живут в Краснодаре, а на собрания годами не ходят. А потом: мы, в конце концов, можем и открепить, пусть становится на учет по месту жительства, в Москве, нам главное — не опоздать с приемом... — Василий Алексеевич, довольный, побарабанил пальцами по столу, за которым сидел, встал, одернул полы кителя с «плеча Фиделя Кастро» и по обычаю произнес: — Ладно, бувайте! Пойду «квыше», может, там меня поймут...»

Пока Попов ходил по инстанциям, проталкивал свою «ценную идею», москвичи приняли Брежнева в Союз писателей СССР. Чего греха таить, мы, кубанцы, только облегченно вздохнули...

Как отвадили графомана

В наше время графомания, по-моему, уже сродни стихийному бедствию. Графоманы бродят косяками, объединяются в ассоциации, устраивают импровизированные похороны русской литературы. Избавиться от графомана порой почти невозможно: ты его в дверь, а он обратно через окно или дымоход: «А здоровеньки булы! Небось, не ждали?...» Особо опасен графоман, вооруженный дюжиной поэтических или прозаических сборников, выпущенных с помощью сердобольных меценатов.

И все-таки и графомана, оказывается, одолеть можно. На моей памяти в этом отношении довольно любопытный случай.

Некий прораб, могучий такой, напористый, буквально терроризировал редакции журналов и газет, местный Союз писателей, навязывал всем свои вирши. Жаловался этот «пиит» во все инстанции, включая ЦК, а поскольку наше гуманное государство ставило жалобу простого советского человека превыше всего на свете, то жалобщик нагнул, ему все были обязаны... У нашего жалобщика-прораба логика была простая. «Почему, — спрашивал он, — Пушкина издают, а меня нет?» Или: «Стихи моей бездарной жены Варвары, рядовой письмоноски, все газеты публикуют, а вот мои назад возвращают. Почему? Где у нас справедливость?»

Обычно он переступал порог в позе победителя, надменный, самоуверенный. Откровенно говоря, его побаивались, избегали, даже прятались, чтобы не попасться на глаза. А он шел, как танк, напролом...

И вот однажды врывается ко мне уже совсем «другой» прораб-поэт — жалкий, растерянный, жестикулируя, надрывно кричит: «Кто посадил этого дурака в соседнем кабинете в качестве консультанта? Вы знаете, какой он вопрос мне учинил? Ноги моей больше у вас не будет, так и знайте...» Налив ему стаканчик минералки из холодильника, я приоткрыл балконную дверь, как мог успокоил бедного сочинителя. Придя в себя, он стал рассказывать, что же произошло в соседнем кабинете. А произошло следующее (воспроизвожу диалог по магнитофонной записи).

- Я принес на отзыв свои стихи.
- Как ваша фамилия? А-а, помню-помню. Это ваша жена Варвара публикует свои стихи в газетах?
- Да, моя, а что?
- Хорошие стихи. Такую жену ценить и лепеять надо.
- А я не ценю, что ли?
- Конечно, нет.
- Как это?
- Да так. Если бы ценил, сам бросил бы писать.
- Почему это?
- Да потому, что жена пишет...
- Не понимаю: я?.. она?.. я?..
- Да что ж тут непонятного: нельзя, чтоб в одной семье два поэта было.
- Эт-т как же так?.. Где это записано, что двум поэтам в одной семье нельзя? Где записано?
- А вы, дорогой, сначала скажите, где записано, что можно?
- Не понимаю! Ничего не понимаю... Как же так?
- Тут и понимать нечего. Вы только вдумайтесь, сколько у нас в стране семей, где нет ни одного поэта. Вду-май-тесь!.. А вы хотите, чтоб было два...
- Два... Один... Что за чертовщина?
- Никакая не чертовщина, а стремление к социальной справедливости, ясно?
- Ничего не ясно.
- Нет, ясно! Два поэта в одной семье — это, в конце концов, роскошь, блажь, вызов окружающим, если хотите...

Схватив обеими руками пухлую папку со стихами, прораб пулей выскочил из кабинета.

Дежурил в тот день в Союзе писателей казачий поэт Иван Варавва. Талантливый. Мудрый. И слегка лукавый.

ДЕБЮТ

Анна ФИЛАТОВА
Краснодар

Ветер качает травы

Бабушка говорит: это тысячелистник. Я не могу проверить, не могу сосчитать листики. Мне четыре. Может быть, пять.

Это тысячелистник, говорит бабушка. Смотри, у него тысяча цветков, и все они — по очереди — расцветают за тысячу лет. Интересно, думаю я, почему тогда зимой — я проверяла! — он исчезает со всеми его цветами, корнями, стеблями? Однажды весной я сплела из трав наблюдателя, чтобы он пролежал осень, зиму, а другой весной я бы пришла на то самое место, нашла свою травяную куклу и узнала все: как цветет тысячелистник, куда исчезают анютины глазки, в общем, все. Но наблюдатель исчез, как, впрочем, и тысячелистник. Тогда мне показалось, что я стала свидетелем чего-то неправильного, а дедушка сказал, что ничего не исчезает куда попало, а мама сказала, что мне переживать не стоит.

У тысячелистника есть волшебные свойства: он излечивает огонь в животе, помогает появиться на свет детям, которые вроде как и не должны родиться, он залечивает дырки в желудке — так говорила Люся, моя прабабушка.

Мне было это совсем не понятно, в моей голове она, Люся, сама была тысячелистник. Сходство начиналось с ее извечной прически — кудри, кудри, кудри. Еще она всегда была старой — сколько ее помню. Тысячелетней. Когда я выросла, это стало уже абсолютным символом.

Тысячелистник умирает, набитый цветками, он становится коричневым — и если не успеть сварить отвар до того, как его цветы потемнеют, — пиши пропало — он уже ничем не поможет.

Так случилось и с ней. Она родилась, потом пришла война, потом она вышла замуж, потом родился и умер сын, потом умерли родители, потом родилась дочь, потом еще две дочери, потом две внучки, потом умер муж, потом родились еще внучки, потом правнучки, потом умерла она. Она плодила цветки, не понимая, ничего не чувствуя, она плодила, она стала коричневой, так и не успев сделать самого важного в своей жизни. Она говорила мне, что всегда была несчастна. Была только бессмысленность, с которой она проживала свое тысячелетие, распускалась цветками — один за другим. Даже когда росли дочери. Даже когда муж умирал. Ей ничего не было интересно, важно, сильно. Она росла в глухой степи, цвела ни для кого.

Тысячелистник выбрасывает десятки цветков. Запах разносится на километры. Так произошло и с ней. Она размножила себя в десятках людей — и эти люди, сами того не ведая, носят ее с собой, разбрасывают ее семена и помнят ее сына, ее дочерей, и цветы распускаются вновь и вновь, пока венчик не становится коричневым — тогда ее дочери умирают от рака, умирают от смерти своих детей, умирают без детей. И мне кажется, что пока семена моей прабабушки не истлеют, все носители продолжат множить ту пустоту, в которой она жила, будут разносить по земле безысходность. Мне тридцать, я одна из них.

Мне шесть лет, я спрашиваю у мамы, кто я. Она отвечает — ты Машенька. А кто еще? Ты мое голубоглазое солнце, мой василек. Я же знаю, что мама так шутит, но мне приятно. Я люблю васильки, они красивые. Мама читает мне книжку «Мифы Древней Греции», там кентавра кусает чудовище, но васильки его спасают от яда. Мне становится приятно, я горжусь собой, прошу маму почитать про васильки — она берет какую-то огромную книгу, начинает водить пальцами по странице. Я с удивлением слушаю — василек — это и сорняк, и не сорняк! Разве так бывает? Из него делают лекарства, приправы, крем. Но он портит пшеницу и рожь. Мама говорит, что почти любое растение имеет хорошие и плохие качества. Василек, если посадить его на клумбе, будет приносить только пользу. Но стоит ему попасть в поле, как он превращается в злодея. Но даже тогда пчелы будут его любить. Тогда, выходит, в мире нет ничего действительно плохого? А фашисты? Неужели их тоже кто-то любил? И я понимаю, что да, у них тоже были мамы, папы, дети. И эта мысль захватывает меня — когда нет ничего простого, когда даже самые красивые цветы могут

и радовать, и печалить. И я тоже вырасту такой, и все вырастут такими.

Но меня это не устраивает. Только не так. Это что же, все никакие? И я принимаю решение быть хорошей. Мне двенадцать, я выписываю в столбик полезные и вредные свойства васильков. И каждому свойству присваиваю очки. Я считаю так: если у чего-то плюсов больше, чем минусов, это еще ни о чем не говорит. Например, взять Лиду Демину. Она самая-самая девочка в классе, с ней все дружат. Она быстро бежит, громко смеется. Но я ее ненавижу — потому что она злая, мерзкая, глупая. Она обижает Лену Бутко, издевается над первоклашками. Вроде бы у нее плюсов больше, чем минусов, но она все равно плохая. Мне двенадцать, я идеалист, я хочу раскрасить свой мир в чистые цвета.

Мне тридцать, и ничего не изменилось. Я люблю васильки, и с ненавистью вспоминаю Демину. Мне очень трудно уложить в голову полутона, я хочу, чтобы я была красивой и доброй, и чтобы весна наступала одновременно внутри и снаружи, и чтобы не было бездомных котят.

Но пока я моделирую в голове свой мир, этот, в котором агрономы очищают пшеницу от семян васильков, постепенно наполняется людьми, которые меня не любят, теми, кому я причинила боль, теми, к кому была равнодушна. И я понимаю, что я василек. Или душаща. Что-то среднее. Не хорошее и не плохое.

Это повилика, говорит дедушка, это плохо, очень плохо. Смотри, вот эта, желтая трава, как клубок желтых ниток. Ее нужно уничтожать, иначе в повилике сгорят все остальные растения. Это — правда, даже вездесущая амброзия не может с ней сравниться. Своими тонкими побегами повилика окутывает стебли, и поначалу это даже красиво. Но очень скоро желтое с зеленым начинает бледнеть, нити толстеют, остальные травы становятся бурными, а потом погибают. Повилика — абсолютный паразит, у нее нет корней и листьев, но, как любой паразит, она прочно сцепляется со своим кормильцем. Очень редко можно уничтожить желтый клубок, не погубив растение. Дедушка говорит, что все надо делать быстро и безжалостно, иначе скоро появятся цветки, и тогда повилику уже не остановить — разве что придется перепалывать землю.

Мне пятнадцать, у меня есть такие подруги. А у таких подруг есть такие мамы. Слабые девочки с влажными глазами, от которых мне неловко, но которые всем нравятся. Я еще не могу понять, что нравится мне — но я точно не хочу быть изгоем. Одна всегда притворяется, что не может делать уроки, потому что надо сидеть с маленькой сестрой. Я знаю, что она врет, но регулярно даю списать. Другая лезвиями вырезает на ногах и руках «Вадим» — получается неглубоко, но эффектно. Приходит ко мне, показывает новые порезы, посмеивается. Потом показывает ему. Он старше, ему странно, он старается ее утешить и успокоить. Она получает дозу радости и уходит — чтобы написать «Вадим» где-нибудь еще. Он не может от нее избавиться уже два года. Она счастлива, что может быть в его жизни хотя бы так. Повзрослев, она трансформировала метод с лезвиями. Девятнадцать лет, знакомство с красивым армянином из соседнего города. Трое детей за пять лет. У парня не было шанса. А она все так же плачет, все так же пестует свою слабость. Ее улыбка полна света. У нее пальчики. Маечки. Про таких говорят «она еще нас всех переживет». Так случилось с женой дяди Саши — она всех пережила, пережила мужа, семью, всё. Тихий голос, вся нежная. Внутри — жернова, смоловшие 15 лет жизни, высушившие так много чувств и людей. Это когда позволяешь повилике выбросить цветки — еще раз, и еще раз. Потом уже не остается ничего. Жалость к тоненьким по-

бегам фатальна. Когда дяди Саши не стало, тетя Надя, как и любой паразит, впала в шок, она поняла, что ее кормушка — в том числе, ментальная — опустела. И она стала искать. И она нашла. Это произошло еще до того, как в моих ушах смолк гул поездов. Дядя Саша работал железнодорожником. Когда такие люди умирают, в дни похорон на местных вокзалах одновременно начинают кричать поезда. Этот гул разносится так далеко — и еще дальше, и еще. В тот день мама сказала, что поезда плачут о нем, как будто они живые, эти поезда — и люди, сами того не ведая, несут этот крик, он отталкивается от рук, ног, сумок и несется дальше, и значит, все люди в городе знают, чувствуют, помнят дядю Сашу. И когда тело опустили в землю, тетя Надя прожила свою жизнь, прожила своего мужа, дала главный цвет и пустила новые побеги.

Это дубки, говорит мама. Мы посадим их вокруг дома, и у нас до поздней осени будет красиво.

Мне восемь, мне не нравится возиться в земле, сегодня прохладно. Что в них красивого? У них резкий запах, стебли высыхают быстро. Вокруг них вечно вьется какая-то мошка — стоит только принести букет в дом. Я в плохом настроении, а тут еще эти дубки.

Почему дубки, — продолжает мама, — не скажу, не знаю. Вообще-то это хризантемы, вроде даже корейские. Очень яркие и стойкие.

Ну и что. Эти мелкие цветки означают не очень приятные вещи. Осень, школа, слякоть на заднем дворе. Что мне ваши дубки. А все тащат их учителям. Хотя растут они чуть ли не в каждом дворе. Мне восемь, и я больше люблю нормальные цветы — нарциссы, тюльпаны.

Странно, говорит мама. Какая холодная в этом году осень. Наступило первое декабря, а снег лежит уже неделю. Дубки пожухли, все стало белым, коричневым, черным.

Мне четырнадцать, уже можно гулять допоздна — до одиннадцати. Мама не переживает, я почти год дружу с двумя тихими девочками, они живут в соседнем переулке. Мы только и делаем, что обсуждаем тайного парня Лейлы, старшей сестры. Если дядя Физули узнает, он ее убьет. Еще мы иногда обсуждаем Пашу. Я познакомилась с ним месяц назад — странно вышло, решили подшутить над одноклассниками Лейлы, а он единственный оказался дома и подошел к телефону. Впервые в жизни я ощутила острый, бесконтрольный интерес к человеку. Хотя я даже не знала, как он выглядит. Я знала только, что в его голосе заключена та самая магия, что-то чистое и правильное. Ты просто знаешь, что все на своих местах. Не выбивается ни одна нитка, все собаки гладко причисаны, ни одна ветка на деревьях не сломана, а колеса машин разбрызгивают лужи строго на юг. Школа, одноклассники, учителя вдруг стали идеальными. Неидеальной во всем этом была только я. Я, которая осознала, что рано или поздно он узнает, кто я. Что увидит странную девочку без светлой улыбки и доброй истории. Что узнает, кто я. Почему я — это я. Почему я не могу спать по ночам. Волна ужаса накрыла меня, я перестала звонить, перестала думать, перестала смотреть. Но он узнал меня — просто случайно услышал на перемене мой голос. Остановился. Посмотрел. Улыбнулся. Так началась история, у которой, как я узнаю спустя семь лет, так никогда и не будет никакого конца. Но у которой была кульминация.

Четвертое декабря. Все укрыто снегом, снег вверху и внизу. Мы отмечаем день рождения Лейлы. Дядя Физули достает бутылку домашнего белого вина — ничего вкуснее я никогда не пробовала.

Мы смеемся, выходим под снег, идем, идем, идем. Он с друзьями, он с нами, он со мной, мне страшно, мне так страшно, я не хочу с тобой говорить. Он исчезает. Он воз-

вращается с букетом холодных, присыпанных снегом дубков. Красных и оранжевых. Я поставила их в воду и смотрела на них много дней, потом засушила и спрятала в какую-то книгу. Я видела, точно видела — в тот день уже нигде не было цветов, даже дубков. Я полюбила другого человека, как потом оказалось — надолго, и приняла его в свою жизнь — как я думаю сейчас — навсегда.

Но мне четырнадцать, мой страх, как повилика, обвил все остальные чувства и высушил, уничтожил все то чистое и правильное, что было, могло быть в моей жизни. От четвертого декабря к четвертому декабря я перетаскивала за собой чувство страха и вины, чувство страшной потери, пока не осознала, что все это уже не имеет никакого значения. Снег, дубки, коричневая замша — все это останется таким же важным, как тогда, много лет назад. Уже навсегда. Мне тридцать. Я никогда это не потеряю, не переживаю. Дубки — это хризантемы, вроде даже корейские, говорит мама. Очень маленькие, но яркие и стойкие.

Это базилик, говорит Нино Игоревна. Сама выращиваю, сама ем и тебе советую. Я часто его использую, но не сегодня. Сегодня мне укроп, помидоры. Эээй, что ж такое, уже пять, а у меня столько пучков осталось. Завтра приходи, да?

Паста «Карбонара». Бекон, пармезан, песто. Песто делаем обязательно с базиликом. Большие белые тарелки, как в ресторане. Правильно, сковорода. Пасту отвариваю аль денте, то есть чтоб были немного твердые. Марина, моя соседка, говорит — это чтоб можно было жевать и думать одновременно. Я стою на балконе, подо мной 15 этажей. Мне двадцать девять. Дом стоит на самой окраине города, я могу наблюдать, как ветер качает травы в поле — серебристый, зеленый, серебристый, зеленый. Но я не чувствую никаких запахов, только бекон и базилик. Просто базилик, пахучая трава, которую можно добавлять куда угодно. Что это за привкус? — спрашивает Марина. Да ничего особенного.

Нино Игоревна говорит, что сейчас все спрашивают: «Почем базилик?» Еще тимьян спрашивают, розмарин — но уж их вырастить — эээй, и так хорошо, берите что дают. Помешались все на этих, как его, прованские травы.

Мне двадцать девять, а Нино Игоревна говорит — *чемипатара*¹ пришла. И говорит, что базилик еще называют «душистые васильки».

Я смотрю внимательнее — правда, похоже. Но потом я вспоминаю грязные пятки, пальцы в земле, гул акаций, синие точки в полях — нет, не похоже.

Базилик — это как если бы василек в конце концов определился — стал простым и почти совсем хорошим. Читаю статьи в энциклопедиях, мысленно составляю список вредных и полезных качеств. Вредных почти нет. Разве только вдруг диабет или инфаркт — от базилика лучше держаться подальше. Как, впрочем, вообще от большинства приятных вещей.

Но базилик капризен. Чтобы выжить, ему нужно очень многое: правильные почва, свет, влажность, температура, чуть ли не направление ветра. Быть почти во всем хорошим тяжело, для этого нужны условия.

Нино Игоревна говорит, что все это ерунда, растет себе и растет — надо только поливать, следить, как он поживает.

Это приятно, когда кто-то следит, как ты поживаешь. Мне тридцать, и мое мышление с каждым годом становится все проще. Я могу описать состояние счастья примитивными словами. Приятно, когда кто-то следит, как ты поживаешь. Мне больше не нужны яркие сравнения. Когда я читаю книгу, мне становится неловко за фразу «ноги впитали холод пола, и спина покрылась песчинками озноба». Я обнаруживаю, что в семь, в десять, в тринадцать лет мыслила витиевато, сравнивала васильковое поле со звездным небом, сравнивала маму с крейсером «Аврора», представляла бабушку ивой. У каждого человека, места и явления была своя атмосфера, свои символы. В зеленых полях — колдовство и духи древних воинов, захороненных в курганах. В желтых

1. *Чемипатара* — по-грузински «моя маленькая».

ДЕБЮТ

полях – призраки лошадей, ощущение быстрого, невыносимо быстрого бега. В овраге, где паслись коровы, – опасность, чужестранность. Меня окружал мир, в котором утопленники, окутанные водорослями, скользили туда-сюда под самой поверхностью воды, а в птичниках жили злобные старухи, пожиравшие маленьких детей. И вокруг были люди-травы, люди-цветы, люди-деревья.

Мне тридцать, и я не ем суп с душистыми васильками, я ем минестроне с базиликом.

Мне снятся кошмары про обочины, поля и лесополосы. Как будто я совсем одна, а вокруг – только ветер качает травы и деревья, больше ничего. Я просыпаюсь, качаю головой – передо мной окно, просто окно с небом. Я пью чай. Я чувствую запах чая, мои ноги ступают по деревянному полу, я иду на работу по асфальту, я чувствую кожзаменитель, мои губы сохнут от кондиционера, я выхожу на улицу, я иду по асфальту. Я вижу газоны, иногда вижу подорожник, одуванчик, сурепку, клевер, репейник, чистотел, мяту. Иногда дубки. Дубки реже всего.

И я каждый день иду на рынок, здороваюсь с Толиком и Нино Игоревной. Толик – молоко, сыр, двое детей, сорок лет. Нино Игоревна – огурцы, помидоры, травы, трое детей, два внука, 56 лет.

Вокруг все кажется простым, волшебство исчезло, его нет ни в панельных домах, ни в травваях, ни в памятниках, ни в ухоженных клумбах.

Мне десять. Дедушка сидит на перевернутом ведре, и отправляет в молотилку початки кукурузы. В солнечном свете видно, что он сидит в облаке из желтой крупы, она оседает на его руках, ногах, рубашке. Он утирает пот со лба, он говорит – поедем сегодня косить люцерну. Мы проезжаем мимо кладбища, где лежат почти все, кого он знал в молодости.

Дедушка говорит – поедем собирать хмель. Мы едем через поля, где когда-то стоял большой хутор, от него осталась только старая водонапорная башня. Там жили все, кого знал в молодости мой дедушка.

Дедушка говорит – все уже было. Здесь жил Колька Тарапина. А здесь был самый большой двор, здесь жила семья Сулим. Все уже было.

Дедушка, тебе грустно сюда возвращаться? Дедушка, почему ты говоришь, что все уже было? Дедушка говорит, что ему было тридцать, когда все стало разрушаться. Что он переехал в ближнее село, оно побольше, там были трактора, работа. Что ему, как и прежде, видится акация во дворе родительского дома. Хотя на том месте уже давно ничего нет – только трава.

Мне тридцать. Я чувствую, как разрушается мой прежний мир, как увядают травы в степи, как увядает моя семья, как сама я покрываюсь ростками базилика и асфальтом.

Бабушка часто приговаривала: чтобы что-то выросло, нужно что-то посадить.

Я открываю глаза. Я чувствую запах пластика. Я составляю список запахов, которые меня окружают. Мне тридцать, я составляю список людей, которые меня окружают. Я стою на балконе и вижу, как ветер качает травы – серебристый, зеленый, серебристый, зеленый.

Я хочу ехать через поле – быстро-быстро. Я хочу вспахать асфальт вокруг себя. Я хочу посадить что-то новое. Я хочу наделить воспоминаниями о себе новых людей. Я хочу чувствовать, как растут мои волосы, как растут когти на лапах моей собаки, как растет любовь одного человека к другому, как растет моя нежность к моему человеку, как растет вероятность узнать моего человека, как растет мой живот, как растут мои дети, как растет стопка фотографий, как растет стопка отглаженных рубашек, как растет нежность, как растет уважение одного человека к другому. Как увядает все бледное, пропитанное никотином, скукой, тревогой. Как исчезают ненужные вещи, журналы, психологические тесты, крики, плохая еда, пустая музыка. Чтобы что-то выросло, нужно снять туфли. Одеть крепкие башмаки. Выйти на улицу. Взять лопату, грабли, семена. Разрыхлить почву, удалить корни и черенки. Укрыть семя землей, полить водой. Потом беречь росток. Окучивать росток. Присматривать, как он поживает.

ПОЭЗИЯ ДОНА

ОЛЬГА ГУБАРЕВА

ХОЧЕТСЯ!

Ясные зори..., тёплые ночи...
Серпик луны уголками заточен –
Виснет серьгой на звезде.
С пустоши дальней доносятся вздохи –
Кони – примета ушедшей эпохи –
Топчут тропинку к воде...

Байкеры – новой эпохи приметы –
Скоростью разворосили планету.
Трудно её удержать!
Катятся судьбы людей сквозь пространство,
Хочется, хочется им постоянства,
Просто любить и рожать.

Хочется людям добра и уюта,
Если дорог – не смертельным маршрутом,
Без катастроф и страстей,
Если удач – не в ущерб отстающим,
Дикторам, новости передающим, –
Светлых хороших вестей!

Хочется!...Много, чего бы хотелось:
Чтобы людей не покинула смелость
Правду сказать подлецу,
Чтобы свершилось все... а,
между прочим,
Ясные зори и тихие ночи
Очень планете к лицу!

МАМА

Дай, Бог, мне в беспамятстве
дней не забыться,
Чтоб только, пока еще мама жива,
Заботой её до конца насладиться
И ей подарить и дела, и слова,

Согреть её руки горячим дыханьем,
Утешить её каждодневную грусть.
Пусть все совершатся её ожидания,
А все опасенья не сбудутся пусть.

Улыбку и свет мимолетного взгляда,
И запах родимый вдохнуть на бегу,
Пока еще вместе, пока еще рядом,
Пока еще «здравствуй!» сказать ей могу!

Вы мне на слово поверьте:
Под снегами ль, под дождём –
Нету горя, хуже смерти,
Остальное – переждём!

Остальное все одюжим:
Боль, измену, страх и стыд.
Ведь другим бывает хуже,
И порой сильнее болит.

Потому свои печали
В дальний угол положив,
Помоги другим вначале,
Сделав им полегче жизньь.

И в заботах, в круговерти
Эта истина спасет.
Нету горя, хуже смерти.
Остальное все – не в счет!

САЛЬСКОМУ РАЙОНУ

Мой Сальский район,
Обдуваемый ветром,
Мой Сальский район,
Опаляемый зноем –
Колеса накручивают километры
Вдоль нив бесконечных
С пшеничным прибоем.

Тетрадки полей,
Разрисованных плугом,
Прудов в камышах
Голубые овалы,
И бьет в лесополосы
Ветер упруго,
И, в ветках запутавшись,
Виснет устало.

Краями
Калмыцкую степь подпирая,
Земля моя помнит
Песчинкою каждой
Сарматов набеги
И поступь Мамаю,
И войн смертоносных
Кровавую жажду.

В кипучих боях
Не сожженные крылья
Над краем моим
Распростерты, как прежде.
Не стала судьба твоя
Прахом и пылью.
Она возродилась
Под флагом Надежды.

В твоих начинаниях
Солнце играет,
И солнцем горит
Куполов позолота.
Мой Сальский район,
Пусть тебя сберегает
Господь
И людей работающих забота!

Пусть щедрыми будут
Сады и криницы.

Пусть труд хлопотливый
Рождает успехи.
Пусть радуют сердце
Разливы пшеницы
Да спелых подсолнухов
Ровные вехи!

ОСТРОВК

Под песню тихую дождя
Легко живется,
А стоит выйти за село –
Проглянет солнце.

Там, за селом – пшеничный рай
И пахнет медом.
Там островок среди реки
С тропинкой – бродом.

Весной и летом добрести
К нему так просто.
По пояс в травах и цветах
Тот райский остров.

Легко, когда влюбленным – рай,
Им быть смелее,
Жаль, нет там яблоч никаких,
Зато есть змеи.

Библейской мудрости завет
Веками длится,
Но с нашей – с острова – змеей
Не сговориться!

Ночные страхи разгоню
То пением, то смехом.
Тебя нисколько не виною
За то, что ты уехал,

За то, что ты покинул дом,
Махнув рукой устало.
Любовь и счастье жили в нем.
И ничего не стало.

Кому охота в грусти жить?..
Но все ж, во что-то веря,
Я дом останусь сторожить
И поливать деревья,

И начинать по новой все –
От самого рассвета,
А вдруг кого-то занесет
Еще под крышу эту!

И этот «кто-то» невзначай
К окну прильнет несмело,
А у меня – пирог и чай,
И ветки с вишней спелой.

ДЕБЮТ

Игорь Васильев

ст. Марьянская

Дождик плачет, плачет

Дождик плачет, плачет, плачет,
Делит мир на свет и мглу,
А печали в каплях прячет,
Вниз скользящих по стеклу.

И как время, он смывает пыль,
Заботы, грусть и зной.
И назад не возвращает –
Забирает всё с собой.

На окне, меж влажных стёкол,
Расплылась на блюде соль.
...И уже почти не плохо,
И почти уже не боль.

И шумит уже потише
В одинокой пустоте
То ли дождь по старой крыше,
То ли чайник на плите.

Хатки, маленькие хатки...

Хатки, маленькие хатки,
Средь высоких тополей,
Вы мне сестры, вы мне брАтки,
Вы души истёртой латки, –
Так печалитесь о ней.

Вы печалитесь о всяком,
Каждый дорог вам и мил...
Подоконнички не лаком,
А слезой да вздохом-ахом
Вам Всевышний окропил.

Отвернусь я от соседок,
Отвернусь от грустных лип
И пойду за жизнью следом,
Но услышу напоследок
Той калитки тихий скрип.

Хатки, старенькие хатки
Средь высоких тополей,
Вы души моей заплатки,
Помолитесь же о ней.

Скучный вечер

Шёл скучный, мокрый снег,
Шуршал в подъезде ветер,
И среди всех утех
Лишь песню выбрал вечер,
Которая чуть-чуть, едва-едва звучала,

А кто-то всё включал, включал её
сначала.

В окне горел огонь
Неяркой жёлтой лампы...
Прижав к щеке ладонь,
Теперь, наверно, сам бы
Услышать был бы рад ту песенку
сначала...
Как вечер тот скучал... как форточка
стучала.

Весной

По мокрым крышам, по дворам, по лицам
Весёлый ветер утром пробежал.
Его давно уже весь город ждал, –
И дворник Коля, и в кустах синица...

А ветер радостно стучался в двери,
Из рук хозяек вырывал бельё,
Шутил, смеялся, что-то пел своё...
И вдруг – так захотелось в счастье
верить!

Когда от солнца задышали крыши,
А грязный снег фиалками пропах,
Тогда, в калошах новых на ногах,
Я двери настежь отворил
(Я ничего не говорил)
И в день весенний, улыбаясь, вышел

КНИЖНЫЙ МИР

«Патриоты своей земли»: Году российской истории посвящается: Очерки, эссе, фотографии о выдающихся личностях и славных именах в истории станицы Архангельской Тихорецкого района Краснодарского края. Архангельская, 2012 г.

Станица Архангельская получила название поселения в 1793 году, когда происходила передача земель Причерноморья запорожским казакам. Временем более ранним землепашцы из-под Воронежа покинули свои обедневшие земельные наделы и семьями, иной раз селениями, отправлялись на подводах на юг, на благодатные земли, о которых были много слышаны. Целое село Архангельское, 20 семей, перекочевало на хутор Хопёрский, потом к реке Казинка, и, наконец, обустроились по берегам реки Челбас, что на тюркском языке означает «ковш воды».

Древние курганы, окружающие станицу, напоминают нам о том, что эти места не были необитаемыми, поросшими кураем и ковылём, скрывавшим даже всадников. Глинобитные и земляные, камышовые и турлучные, позже

саманные жилища строились правее кургана, где ныне возвышается храм Архистратига Михаила. Земляные жилища горских народов появились задолго до того, как поселились воронежцы. В советское время часть станицы севернее храма ещё называлась Аулом.

Скифы и меоты, готы и гунны, хазары и тюрки, половцы, греки, турки, ногайцы, монголы, татары – разные кочевые завоеватели двигались из Азии в Европу, сжигая и сравнивая с землей строения.

Так писал историк Кубани Ф. А. Щербина: «Дикие орды кочевников могли установить только физическое завладение землей на правах сильного... Нигде не было пролито столько человеческой крови, как на Кубанских степях». И лишь казакам удалось защитить границы Руси. Они несли охранную службу в кра-

ях порубежных. Так, с почестями был доставлен гроб из Эрзерума героически погибшего на кордоне казака Аулова Анисима в 1914 г.

С преобразованием поселения в станицу в 1834 г. упорядочилось управление ею. Сроком на три года избирался атаман и станичное правление в количестве 12 человек. Сюда входили два доверенных лица по хозяйственной части, казначей, писарь судейский и писарь военный, трое судей и помощники. В атаманы избирались самые грамотные казаки, пользующиеся огромным доверием и уважением, отличившиеся в боях или в решении важнейших вопросов жизни станицы: строительстве храмов, школ, мельниц. Все вопросы решал атаман. Некоторые атаманы избирались и на второй срок.

Станица отмеряет третью сотню лет своего существования. За два с лишним века она подари-

ла своей Родине немало ярких личностей, которыми с полным основанием может гордиться каждый житель станицы, а новые поколения должны помнить и знать имена истинных патриотов: меценатов и писателей, учителей и полководцев, защитников Отечества, Георгиевских кавалеров, Героев Социалистического Труда, избранников народа, певцов, художников, музыкантов и тех, кто управлял станицей, делал её лучше и краше, заботился о благоустройстве и улучшении жизни каждого жителя. Кто оставил свой яркий след и внёс заметный вклад. Часть из них – это люди, которые известны не только станице или Кубани, но и нашей великой Родине. Без выдающихся личностей не может быть истории народа, истории города, села, станицы.

Геннадий Леликов

ПРОЧТЕНИЕ

НОВАЯ СВОБОДА

Станицы такой в Краснодарском крае нет. Но она существует в повести Александра Мартыновского «Вечерняя рапсодия». Новосвободная. Да, она если верить прозаику существовала когда-то. А потом упала как звезда с крутого небосклона, вместе с многими и многими станицами, селами, деревнями, хуторами. Теперь-то, если что-то и осталось от станиц и хуторов, так зовется это что-то поселениями. В душе же, в воспоминаниях свет этой далекой звезды остался. Сияние Новосвободной манит главного героя этого повествования. Он вспоминает, как приехали они в эту станицу с другом Юрой, как попали под летний ливень, и как сушила одежду Юрина мама.

Честное слово, когда я это читал, что-то нежное, мягкое и теплое лизнуло душу.

И после этого тонко описанного эпизода я уже читал повесть А. Мартыновского не так, как читают современные книги, вприглядку, через пень колоду, а уже «вгрызся» в нее.

И мне была понятна правда того

времени и правда нынешнего дня. И бомжи этой повести, а были ли они бомжами и пропойцами, стали мне такими же родными, как дядя Леша Храмов, земляк мой. Они в прозе Мартыновского – русские люди с их «чертогонством», с их «вечерней рапсодией», врачующий душу после такого тектонического распада нашей советской вселенной.

Эти люди выжили после ледникового периода, но они, увы, потерянное поколение. Старое и молодое. Все гамузом потерянное.

Пьют и воруют, но ведь в России всегда пили и воровали. Но пили и воровали с толком. А не так вот абсолютно бессмысленно, вдрызг.

Вторая часть повествования Александра Мартыновского написана с другим колоритом. Она более лирична, что ли. Тепла. Акварельно мягка.

Герой едет к своей давней возлюбленной. В надежде? Тоска его загрызла. Да какая может быть надежда у женатого, семейного человека. Просто он осмелился, дерзнул, а потом попятиться ведь. Ведь время утекло.

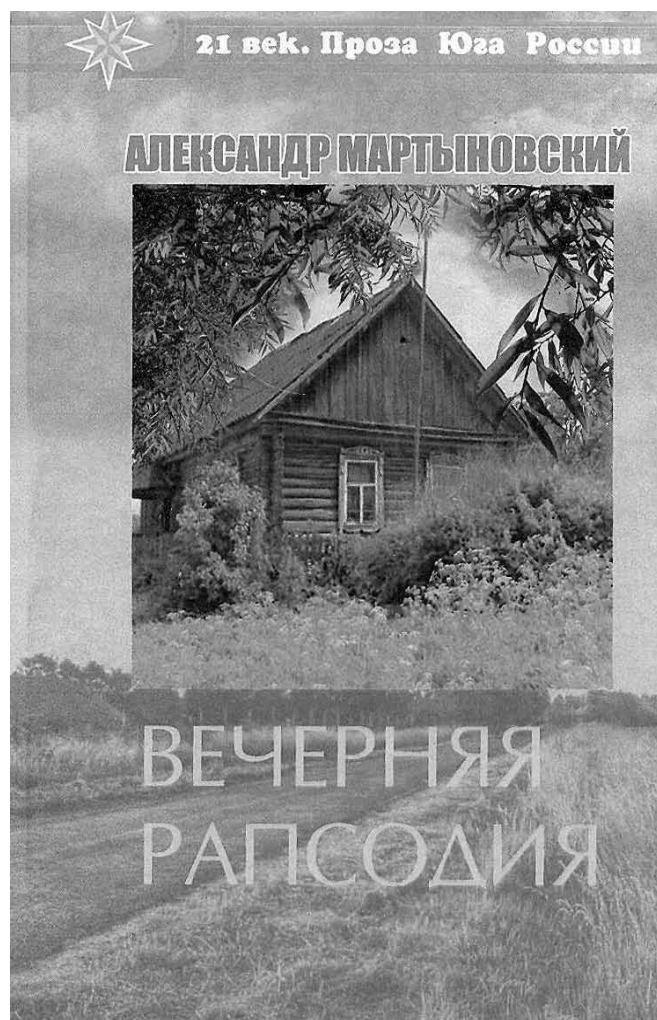
И возлюбленная уже не та. Так оно и вышло.

И в станице Новосвободной, и в хуторе под Чебурголем (это невыдуманное название) – всюду ждет разочарование. Удивительно, но «Вечерняя рапсодия» наводит на душу уныние. Наоборот, читаешь ее порой как светлые лирические стихи. Много в «Вечерней рапсодии» и юмора, картинок станичной и хуторской жизни.

Конечно, это русская проза, русский реализм, какого сейчас уже трудно сыскать и с огнем. Конечно, есть и Валентин Распутин, и Владимир Крупин, но этих реалистов ничтожно мало. И хорошо, что Александр Мартыновский уже в очень-очень зрелые лета ушел в эту прозаическую лирику.

Александр Мартыновский получил за «Вечернюю рапсодию» премию имени Анатолия Знаменского. Вполне заслуженно. Теперешняя проза Александра Дмитриевича Мартыновского вполне сопоставима с классической прозой Анатолия Дмитриевича Знаменского.

Николай Ивеншев,
писатель

СНЕГ, КОНЕЧНО, УЙДЁТ

Вышел в свет новый вокальный сборник композитора Игоря Корчмарского «Снег, конечно, уйдёт». Романсы и песни на стихи Алексея Горобца».

Талантливый композитор и хормейстер Игорь Моисеевич Корчмарский хорошо известен и на Кубани, и в России. Вот что пишет о нём народный артист СССР, композитор Родион Щедрин:

«И. М. Корчмарский – замечательно одарённый музыкант, знаток и истинный фанатик хорового пения. За долгую свою творческую жизнь он воспитал множество талантливых дирижёров, которые во

многих городах нашей страны с честью несут высокое звание хорового дирижёра. Много сделано им для пропаганды советской хоровой музыки. Перечень имён отечественных композиторов от Д. Д. Шостаковича до автора этих строк занял бы целую страницу». Игорь Моисеевич издавна и охотно поддерживает творческую связь с Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. Среди кубанских поэтов, на чьи стихи он создал множество своих музыкальных про-

изведений, такие имена как И. Варавва, К. Обойщиков, С. Хохлов, В. Нестеренко, Н. Зиновьев, Н. Василинина, С. Макарова, Л. Мирошникова и многие другие.

Знакомство с творчеством Алексея Горобца побудило его к созданию нового вокального альбома. «Стихи Алексея Горобца, – пишет в предисловии к сборнику композитор, – пленяют и покоряют яркостью и неожиданностью поэтических образов, нетрадиционностью стихосложения. Но главное в стихах – это глубокая, вы-

страданная философская направленность, которая в живой, эмоциональной форме передаёт размышления и переживания поэта – Человека, прошедшего долгий жизненный путь».

И что примечательно (и замечательно!): лирико-философская музыкальная композиция И. Корчмарского завершается на строгой патриотической ноте – песней о рисоводческом Красноармейском районе Краснодарского края – районе, где вот уже двадцать лет проживает поэт Алексей Борисович Горобец.

Сергей Сычёв,
ст. Полтавская

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 4418/2
Подписано в печать
в 10.00, 23.10.2012 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная